

УДК 81 – 13

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА (на материале переводов)**Н. В. Мельник****GNOSEOLOGICAL POTENTIAL OF A SECONDARY TEXT (based on translations)****N. V. Melnik**

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки России № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование»

В статье представлены теоретические основания для возможности использования вторичного текста в качестве лингвистического источника в области изучения различных проблем современного языкознания и показано, что исследования такого рода имеют давнюю традицию и высокий гносеологический потенциал.

The article presents the theoretical basis for the possibility of using secondary text as a linguistic source in the study of various problems of modern linguistics and it is shown that the studies of this kind have a long tradition and high gnoseological potential.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, межъязыковая и внутриязыковая эквивалентность.

Keywords: translation, translation theory, interlanguage and innerlanguage equivalence.

В связи с рассмотрением вторичного текста как источника изучения интерес представляют филологические исследования В. В. Виноградова, который в своей работе «Этюды о стиле Гоголя» дает глубокий анализ стиля Н. В. Гоголя, подойдя к решению этой задачи своеобразно: через рассмотрение пародий на него. Позже, рефлексируя о способе решения проблемы, он замечает: «Тогда я выдвинул такой тезис: «Путь к стилю писателя – сзади»... Значит это вот что: на каждого крупного писателя начинали писать пародии после того, как он издавал какое-нибудь произведение. Пародии, конечно, упрощают стиль, но они выделяют, тем не менее, в этом стиле какие-то новые для восприятия той эпохи элементы художественной формы, структурные соотношения и т. д. Мои этюды о Гоголе основаны на изучении пародий на стиль Гоголя со стороны его литературных врагов» [4].

Представленное направление исследования коррелирует с рассмотрением перевода как лингвистического источника. Исследование одного языка с помощью его сопоставления с другим находится в русле давней традиции изучения языков. По утверждению В. Г. Гака, «сравнение является основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [6, с. 7]. А высказывание Л. В. Щербы «В силу диалектического единства формы и содержания мысль наша находится в плену у форм языка, и освободить ее от этого плена можно только посредством сравнения с иными формами ее выражения в каком-либо другом языке» [20, с. 27] соотносится с положением В. фон Гумбольдта «каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [9, с. 80].

В выбранном нами аспекте сопоставление языков рассматривается не как цель, а как средство, как метод исследования. Сравнение высказываний на двух языках, когда содержание изначально задано

оригиналом, позволяет анализировать различные способы его выражения, в которых опредмечивается восприятие-понимание декодирующего [7]. При этом мы опираемся на языковое сознание переводчика, осуществляющего выбор из множества вариантов согласно чувству языка. Перевод может рассматриваться в качестве лингвистического источника в трех областях: в области языка перевода; в области системных отношений между исходным языком и языком перевода; в области исходного языка [10, с. 23]. Нас интересует последний вариант, «как это ни парадоксально, некоторые его [оригинала – Н. М.] возможности раскрываются лишь в переводе» [3, с. 37 – 38], именно в нем находят свое продолжение суппозиции исходного текста.

Многие лингвисты используют в качестве материала анализа перевод, а не словарное соответствие, считая, что «межъязыковые переводческие соответствия – объективная реальность» [5, с. 57] и «на определенном этапе сопоставительное исследование не может обойтись без данных перевода, потому что наличие соответствий в парах языковых систем не означает, что при функционировании в тексте эти соответствия сохраняются» [16, с. 8]. В этом смысле перевод может быть определен как «особый вид соотношенного функционирования языков» [11, с. 6].

В итоге намечается неоднозначное отношение к использованию перевода в качестве лингвистического источника: негативное (например, [19]) и позитивное (например, [11]). Основными доводами против рассмотрения перевода в гносеологическом аспекте являются субъективность и речевой характер перевода. В. Н. Комиссаров, возражая против утверждения о субъективности перевода, говорит о том, что «изучение достаточного по объему фактического материала подобного рода позволяет отличить индивидуальные отклонения случайного характера от реализации собственно языковой потенции» [11, с. 12]. К тому же сама «субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизве-

сти как можно полнее содержание текста оригинала, а возможность такого воспроизведения зависит от объективно существующих и не зависящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков. Таким образом, перевод представляет собой субъективную реализацию переводчиком объективных отношений. Субъективность перевода не является препятствием для объективного научного анализа, подобно тому, как субъективность отрезков речи не препятствует извлечению из них объективных фактов о системе языка» [12, с. 38]. Таким образом В. Н. Комиссаров решает проблему речевого, а не языкового характера перевода.

Деятельность переводчика определяют те же закономерности, которые касаются речевой деятельности вообще [18]. Ее результат – порождение «своего» текста, который возник при восприятии-понимании исходного текста, при его декодировании. Сопоставление исходного и вторичного текстов позволяют реконструировать процесс порождения-восприятия-понимания (ср. возможность интерпретации процессов речемыслительной деятельности при переводе как зеркального отображения создания оригинала, в результате чего возникает один из видов вторичных текстов) и проследить механизм детерминации внутритекстовых и межтекстовых компонентов. При этом важным в гносеологическом плане является определение единицы сравнения, под которой мы имеем в виду единицу соответствия (Ср.: «Единица перевода – это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на исходном языке, которая имеет соответствие в тексте на переводном языке» [2, с. 175].

В результате можно говорить о том, что «коммуникативная равноценность текстов на разных языках, обнаруживаемая при переводе, представляет собой явление объективное, отражающее универсальные свойства языка как единого общечеловеческого средства обмена мыслями» [11, с. 13]. Все это подводит к выделению такого подхода в лингвистических исследованиях, когда данные двух языковых/речевых систем рассматриваются не как сравниваемые, сопоставляемые друг с другом, а как единая языко-речевая материя. «Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [14, с. 13]. Данный подход заложен В. фон Гумбольдтом и вписывается в общезыковую антиномию «общее – частное» (при этом общее проявляется всегда лишь через единичное): «Когда мы говорим, что язык самодетелен, самосоздан и божественно свободен, а языки скованы и зависимы от народов, которым они принадлежат, то это не пустая игра слов» [9, с. 49]. «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [9, с. 74].

Привлечение межъязыкового пространства становится скрепой синтезирующей деривационной модели на макро- и микроуровнях. Это тоже продолжение непрерывного деривационно-мотивационного процесса на новом витке развития, что возможно при понимании отношений между исходным языком и языком перевода как единой языко-речевой материи, или транслингвального пространства. Именно в нем становится возможным рассмотрение перевода в понимании Р. Якобсона как внутри-, межъязыкового и межсемиотического [21].

При рассмотрении текстовых преобразований на уровне семантики мы входим в область «скрытой», имплицитной лингвистики. Те процессы, которые происходят при преобразовании текста, можно реконструировать, сопоставляя два текста. Слово обладает потенциалом семантического развития, в нем заложены потенциальные скрытые компоненты, которые могут быть эксплицированы при переводе, что является развитием идей В. фон Гумбольдта о равной возможности языков выражать содержание («Любой язык в полном объеме содержит все, превращая все в звук» [9, с. 82]) и о «текучести семантики» («Как невозможно исчерпать содержание мышления во всей бесконечности его связей, так неисчерпаемо множество значений и связей в языке. Помимо своих уже оформившихся элементов, язык в своей гораздо более важной части состоит из способов (Methoden), дающих возможность продолжить работу духа и предначертывающих для этой последней пути и формы. Его элементы, приобретая устойчивую оформленность, образуют в известном смысле мертвую массу, но масса несет в себе живой росток определенности (Bestimmbarkeit)» [9, с. 82]. Все это позволяет говорить о непрерывном деривационно-мотивационном процессе в едином транслингвальном пространстве.

Подобно созданию макроозначающего, происходит и создание макроозначаемого текста, это также непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Но «признавая неразрывную связь формальной и содержательной структуры слова, необходимо обратить внимание на следующее. Нет никаких доказательств того, что фонетические и семиологические соответствия являются соответствиями одного и того же плана: соответствия на одном из этих уровней не обязательно означают и равноценное соответствие на другом уровне. Таким образом, языковое преобразование представляет собой многомерный, многоплановый, многослойный процесс, происходящий одновременно в различных языковых плоскостях – как по горизонтали, так и по вертикали, но на разных основаниях, в различных измерениях» [15, с. 20]. Это не означает отрицания изоморфизма между планами выражения и содержания, а лишь подчеркивает возможность различий в степени формальной и содержательной близости текстов.

При сравнении важной становится категория межъязыковой эквивалентности, возможно ее рассмотрение в разных аспектах. Учитывая двусторонний характер языковых единиц, многие исследователи стремятся развести понятия соотношения языковой формы (конгруэнтность) и языкового значения (эквивалентность) [19, с. 168]. Но обычно под эквивалентностью понимается общность содержания, эквивалентные конструкции имеют идентичную глубинную структуру, даже если различаются на уровне поверхностных структур. Таким образом, «основание для сравнения относится к сфере содержания, сравниваемые конструкции, между которыми устанавливаются отношения эквивалентности, – к сфере выражения» [13, с. 49].

Межъязыковая эквивалентность – разного рода соотносительность между единицами языка и речи, она не есть тождество [1, с. 12]. Выделяется языковая и речевая эквивалентность (формальное соответствие и переводческая эквивалентность) [17]. Данные типы эквивалентности изучаются разными лингвистическими дисциплинами: языковая эквивалентность является предметом контрастивной лингвистики, а речевая – переводоведения. Однако в первом случае следует различать эквивалентность в словаре и системе языка. Так, «слово в аспекте языка – это единица, относящаяся к ментальной действительности носителей языка, слово в словаре – одна из возможностей ее описания» [13, с. 70]. В нашем исследовании мы опираемся на понятие межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе. Нужно заметить, что здесь существует проблема, связанная с тем, что «с одной стороны, эквивалентность есть обоснование переводимости, а с другой – сама эквивалентность устанавливается посредством переводимости» [22, с. 82]. «Возможность переводческой эквивалентности является, разумеется, предпосылкой сопоставления: если два элемента никогда друг друга не переводят, совершенно неинтересно их сравнивать. Таким образом, перевод можно рассматривать как контекст сопоставления» [17, с. 47]. Стремясь остаться в рамках собственно лингвистического исследования, мы признаем эквивалентными не программы автора и переводчика, а тексты, соотнесенные при переводе [2; 12 и др.].

Г. Егер выделяет два понятия: коммуникативная и функциональная эквивалентность. Коммуникативно эквивалентными считаются тексты, обладающие одинаковой коммуникативной значимостью (*kommunikative Wert*), которая является важным компонентом текста [24]. Она складывается из коммуникативно значимых характеристик текста, а целью перевода является максимальное соответствие свойств перевода свойствам оригинала [23]. То есть для обоснования эквивалентности необходимо использовать собственно языковые объяснения. Г. Егер исходит из того, что коммуникативная значимость текста опирается на функциональную значимость, которую «следует искать в функциях язы-

ковых знаков. Эти функции связаны с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений» [25]. При этом семантика и синтактика через прагматику входят в коммуникативную значимость текста [25].

В исследовании мы опираемся на межъязыковую текстовую эквивалентность как объективную данность. В наши задачи не входит установление эквивалентности, степени эквивалентности, так как мы полагаем, что «текст служит, как правило, целям осуществления коммуникации, поэтому степень эквивалентности здесь не может быть нулевой, иначе процесс коммуникации просто не сможет состояться» [13, с. 79], поэтому любой перевод мы рассматриваем как эквивалентный *a priori*. При этом под переводом понимается не специфическая речевая деятельность или процесс понимания инокультурного текста, а опредмеченный результат этого, то есть текст, созданный на базе другого текста. При таком подходе становится возможным рассмотрение перевода не с позиций переводоведения, а с точки зрения теории деривации, в свете идей которой он выступает как вторичный, производный текст, созданный на базе первичного и отождествляемый с ним при определенных условиях. Поэтому эквивалентность не может быть нулевой, хотя степени эквивалентности, безусловно, являются различными. Если хоть один человек отождествил единицы, следовательно, в самом данном факте содержатся основания для подобного установления.

Именно такой подход позволяет в гносеологическом плане использовать межъязыковую эквивалентность как аспект лингвистического исследования. А с введением понятия транслингвального пространства данное положение проецируется и на внутриязыковую эквивалентность, а потому перевод (по Р. Якобсону, внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический) обладает высоким гносеологическим потенциалом. Это обстоятельство позволяет нам, с одной стороны, рассматривать перевод как один из типов вторичных текстов, из которых мы получаем информацию о первичном, с другой стороны, обращаться к исследованиям по теории перевода для решения проблем, возникающих в области дериватологии.

Покажем эффективность данного подхода на примере исследования проблемы взаимодействия деривационного слова, текста и языковой личности, мы ставим перед собой задачу доказать функциональность лексико-деривационного ряда (ЛДР), представляющего собой «последовательность одно-коренных или одноаффиксных слов (в том числе «чистых» повторов), пересекающих дискретное текстовое пространство (контекст)» [8, с. 96], его значимость для адекватного восприятия текста, для этого обращаемся к аспекту межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе. Основная гипотеза исследования такова: лексическая деривация органично включается в общетекстовую деривацию, тем самым доказывается функциональность

лексико-derivационного ряда. Если лексико-derivационные ряды функциональны, то есть значимы для восприятия и порождения текста, то они будут отражаться в переводах, созданных на основе содержащих повторы первичных текстов. При этом лексико-derivационное развитие текста выступает как одно из частных проявлений непрерывного derivационно-мотивационного процесса в едином транслингвальном пространстве.

Для анализа используются контексты, полученные методом сплошной выборки из пяти глав романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (ИТ-1) и трех его переводов на немецкий язык, выполненных Г. Гершельманном (ПТ-1), Г. Релем (ПТ-2), А. Лютером (ПТ-3). Анализ проводится по главам (5 выборок). Подсчет количественных данных показал разный процент отражения одних и тех же лексико-derivационных рядов в разных переводах: глава 1 – 54 % (ПТ-1); 81 % (ПТ-2); 75 % (ПТ-3); глава 2 – 51 % (ПТ-1); 85 % (ПТ-2); 79 % (ПТ-3); глава 3 – 54 % (ПТ-1); 80 % (ПТ-2); 75 % (ПТ-3); глава 4 – 29 % (ПТ-1); 51 % (ПТ-2); 56 % (ПТ-3); глава 5 – 51 % (ПТ-1); 73 % (ПТ-2); 70 % (ПТ-3). В результате анализа отклонений от исходной гипотезы были выявлены факторы, определяющие функционирование derivационного слова в тексте.

Разная степень отраженности одних и тех же рядов зависит от модели построения вторичного текста: **семасиологической** и **ономасиологической**. Различия между этими двумя моделями несомненно имеют качественную подоснову, но выявляются прежде всего статистически, так как именно количественные показатели позволяют формализовать интуитивные наблюдения по поводу их различия. Перевод – результат семантической derivации, или повторное создание макроозначаемого текста. Поэтому необходим учет степени семантического расстояния между единицами соответствия, что позволяет выделить две группы инноваций: **мутационные** и **модификационные**. Первые лишены непосредственной детерминации исходным текстом и продиктованы волей говорящего, в данном случае переводчика (субъективный фактор), вторые контекстуально обусловлены исходным текстом. Результатом действия первых являются различия на уровне глубинной структуры, вторые не ведут к таким преобразованиям. Derivационные процессы: осложнение, упрощение, перестановка, слияние, замена, – приводящие к семантическим инновациям разных типов, протекают в текстах, построенных и по семасиологической, и по ономасиологической моделям, но по-разному характеризуют их как количественно, так и качественно. Мутационные инновации являются доминантой для текстов, построенных по ономасиологической модели (ПТ-1), модификационные – для текстов, построенных по семасиологической модели (ПТ-2; ПТ-3).

Семасиологическая и ономасиологическая модели построения вторичного текста являются результатом различного соотношения означающего и

означаемого под влиянием двух факторов: субъективного и/или объективного. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к полюсу «объективное» и представляют собой тождественное исходному тексту соотношение означающего и означаемого. Тексты, построенные по ономасиологической модели, тяготеют к полюсу «субъективное» и представляют собой новый тип соотношения означающего и означаемого, не детерминированного формой исходного текста. Единство формы и содержания прослеживается в появлении инноваций и на уровне означаемого, не обусловленных исходным текстом. На поверхностном уровне результатом действия двух моделей являются наличие и отсутствие экспликации derivационного потенциала слов. Для первого типа построения вторичного текста характерна большая степень отражения лексико-derivационных рядов, зона разброса 70 – 79 % (ПТ-2); 72 – 85 % (ПТ-3), исключая главу 4. Для второй модели не представляется релевантным учет всех типов формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста, зона разброса процента отражения 51 – 54 % (ПТ-1), исключая главу 4. Лексико-derivационный ряд – формально-семантическая единица, представляющая собой соотношение микроозначаемого и микроозначающего, по-разному функционирует в текстах, построенных по семасиологической и ономасиологической моделям, в силу разного рода соотношения на уровне макроозначаемого и макроозначающего.

Глава 4 романа представляет значительный интерес для исследования, так как количественный показатель отражения лексико-derivационных рядов отличается от степени их отражения в других главах (29 %; 51 % и 56 %), но сохраняется корреляция процента отражения между моделями вторичного текста. Сравнительный анализ ЛДР, содержащихся в пяти главах не выявил их отличий в лексикоцентрическом аспекте, что позволяет предположить, что причины меньшей отраженности во вторичных текстах ЛДР главы 4 заложены в специфике их текстового функционирования в исходном тексте. В ходе анализа было выяснено, что ослабление детерминации между членами ряда, меньшая их отраженность при переводе как свидетельство меньшей функциональности были вызваны тем, что глава 4 представляет собой речь повествователя, речь автора, а главы 1, 2, 3 и 5 насыщены диалогами героев, изобилующих повторами, связанными с переспросами, то есть диалогической цитацией, усиливающей детерминацию членов ЛДР. Коммуникативная значимость ЛДР подобного типа способствует их большей отраженности при переводе: –... *Нельзя ли здесь где-нибудь покурить? У меня трубка и табак с собой. – По-ку-рить? – с презрительным недоумением вскинул на него глаза камердинер, как бы все еще не веря ушам, - покурить? Нет, здесь вам нельзя покурить...* (ИТ); “*Darf ich hier irgendwo rauchen? Pfeife und Tabak habe ich bei mir*” – “*Rau...chen?*” *Ein vernichtender Blick traf den Frager. Den*

Kammerdiener traute seinen Ohren nicht. "Rauchen wollen Sie? Nein, hier wird nicht geraucht!" (ПТ-1); "... Könnte ich hier nicht irgendwo rauchen? Ich habe Pfeife und Tabak mit" – "Rauchen?" Der Kammerdiener sah ihn mit verächtlichem Befremden an, als traute er seinen Ohren nicht. "Rauchen? Nein, hier dürfen Sie nicht rauchen..." (ПТ-2); "... Kann man hier nicht irgendwo rauchen? Eine Pfeife und Tabak habe ich bei mir" – "Rau-chen" versetzte der Kammerdiener, ihn geringschätzig und erstaunt, als ob er seinen Ohren nicht traute. "Rauchen? Nein, hier können Sie nicht rauchen..." (ПТ-3).

Анализ показал, что существует некоторая зависимость отражения или неотражения при переводе лексико-derivационных рядов от объективных (заложенных в языке и тексте) и субъективных (зависящих от установки автора и переводчика) причин. В результате были выявлены детерминанты деривационного функционирования слова в тексте, восходящие к общезыковым антиномиям *объективное – субъективное, системное – текстовое*, их влияние опредмечивается в четырех моделях поведения переводчика. При анализе деривационного функционирования слова в аспекте межъязыковой эквивалентности важно отметить характер отражения или устранения лексико-derivационных рядов при переводе: при неотражении рядов – была ли объективная возможность их фиксации или нет (фактор языка); при их отражении важно учесть, были ли варианты перевода, когда переводчик из всех возможных синонимов мог выбрать именно те, которые вступают в эпидигматические отношения (фактор переводчика) или языковые средства ограничивают выбор (фактор языка).

Объективное отражение лексико-derivационного ряда мало способствует достижению поставленной цели – доказать функциональность ряда, так как не позволяет судить о том, замечает ли переводчик его значимость, ведь переводчик в любом случае «вынужден» его воспроизвести. Единственным подтверждением функциональности лексико-derivационных рядов данной группы является отсутствие прономинализации. - *За это в Сибирь? - В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь! (ИТ – 1); – Dafür kommt man nach Sibirien? - Nach Sibirien, nach Sibirien. Sofort nach Sibirien! (ПТ – 2); – Und kommt einer dafür nach Sibirien? - Gewiß, nach Sibirien, nach Sibirien! Ohne weiteres nach Sibirien! (ПТ – 3).* Намечается тенденция, в соответствии с которой в текстах, построенных по семасиологической модели (ПТ – 2 и ПТ – 3), лексико-derivационные ряды сохраняются; в тексте, построенном по ономасиологической модели (ПТ – 1), несмотря на отсутствие синонимов, они разрушаются за счет прономинализации или опущения повтора: - *Und darauf steht Sibirien? - Selbstredend ..., wie Euer Gnaden zu sagen belieben! (ПТ – 1).*

Показателен сам факт отражения при переводе лексико-derivационного ряда, когда имеются различные варианты, позволяющие его избежать. Это

означает, что переводчик (сознательно или интуитивно) из всего языкового арсенала выбирает те лексемы, повтор которых возможен в данном контексте. Поэтому данные, полученные именно при анализе **субъективного отражения** лексико-derivационного ряда, несут основную информацию о его функциональности.

Из всего синонимического ряда *die Krankheit, die Erkrankung, das Unwohlsein, die Beschwerde, das Leiden, das Gebrechen, das Siechtum* выбирается и реализуется в тексте одна единица, причем в разных текстах – своя: ..., *что отправлен был за границу по болезни, по какой-то странной нервной болезни...* (ИТ – 1); ... *daß er seines Leidens wegen ins Ausland geschickt worden sei, eines merkwürdigen Nervenleidens ...* (ПТ – 2); ...*man habe ihn wegen einer Krankheit ins Ausland geschickt, wegen einer eigentümlichen Nervenkrankheit* (ПТ – 3). Субъективный характер такого отражения подчеркивает тот факт, что в тексте, построенном по ономасиологической модели, повтор устранен за счет синонима: ... *nachdem er seinerzeit krankheitshalber, wegen eines seltsamen Leidens, das ... , in Ausland geschickt worden* (ПТ – 1).

Объективное неотражение лексико-derivационного ряда связано с тем, что необходимость устранить повтор может диктоваться особенностями системы языка перевода. Так, глагол *скажется* имеет в русском языке два значения: 1) будет сказано (произнесено); 2) обнаружится, решится. Первому значению в немецком языке соответствует конструкция *gesprochen werden*, второму – ряд глаголов и выражений *sich zeigen, zum Ausdruck kommen, zutage treten, entscheiden*. Несоответствие семантических структур приводит к устранению повтора, а лексико-derivационный ряд выступает как частично отраженный, значительно проигрывая по силе сцепки: ... *что последнее слово еще не сказано, а гроза грядет. Если сегодня скажется последнее слово, стало быть, и все скажется* (ИТ – 1); ... *solange das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Wenn aber wirklich heute abend die Entscheidung fallen sollte, dann bricht der Sturm los, das können Sie mir glauben! (ПТ – 1); ... daß das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Das Gewitter muß aber losbrechen. Wird heute das letzte Wort gesprochen, so wird auch alles zutage treten (ПТ – 2); ...weil das letzte Wort noch nicht gesprochen ist; aber das Gewitter rückt heran. Wenn heute das letzte Wort gesprochen wird, dann ist damit alles entschieden (ПТ – 3).*

Субъективное неотражение лексико-derivационного ряда связано с тем, что иногда он не воспроизводится при переводе, несмотря на то, что объективные условия для его фиксации есть. Это дает основание говорить о роли фактора переводчика, который в силу субъективных причин пытается избежать повтора различными средствами: с помощью синонимов, опущения повторов, прономинализации, замены словом с более широким или узким значением. Так, употребление синонимов

stören, belästigen, zur Last fallen разрушает лексико-деривационный ряд: *A ne мешать* вам я научусь и скоро пойму, потому что сам очень не люблю *мешать* (ИТ – 1); *Übrigens werde ich bald lernen, Sie nicht in Ihrer Arbeit zu stören, mit selbst ist nichts unangenehmer, als anderen zur Last fallen* (ПТ – 1); *Und Sie nicht zu stören werde ich bald lernen, denn ich möchte niemand belästigen* (ПТ – 2). Субъективный характер неотражения лексико-деривационного ряда подчеркивает факт его передачи в одном из переводов: *Aber Sie nicht stören, das werde ich schon lernen und bald begreifen, weil es mir selbst sehr zuwider ist, jemanden zu stören...* (ПТ – 3).

Такой тип поведения переводчика соответствует ономазиологической модели построения вторичного текста. Субъективное неотражение лексико-деривационного ряда, когда переводчик сознательно или интуитивно устраняет повтор при объективной возможности его передать, не является свидетельством абсолютной нефункциональности ряда, так как сам факт устранения повтора с целью, например, избежать тавтологии является значимым, но мы не имеем возможности зафиксировать функциональность ряда по текстовым показателям.

Значимость для доказательства функциональности лексико-деривационного ряда отражения или устранения повтора во вторичном тексте является различной в зависимости от объективного или субъективного характера (влияние системного фактора и фактора переводчика). Так, объективное отражение и объективное неотражение на оси функциональности представляют собой нейтральные типы, в отличие от субъективного отражения, тяготеющего к полюсу «функциональное», и субъективного неотражения, тяготеющего к полюсу «нефункциональное».

Таким образом, на примере анализа функциональности лексико-деривационного ряда мы показали высокий гносеологический потенциал исследования явлений русского языка в аспекте межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе.

Литература

1. Арнольд, И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие [Текст] / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 1. – С. 11 – 18.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Бибихин, В. В. Опыт сравнения разных переводов одного текста [Текст] / В. В. Бибихин // Тетради переводчика. – Вып. 13. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 37 – 47.
4. Виноградов, В. В. Из истории изучения поэтики (20-е годы) [Текст] / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – № 3. – 1975. – С. 259 – 272.
5. Виноградов, В. С. О специфике художественного перевода и его теории [Текст] / В. С. Вино-

градов // Филологические науки. – 1978. – № 5. – С. 51 – 57.

6. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике [Текст] / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5 – 17.

7. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

8. Голев, Н. Д. Деривационное развитие слова в русском тексте (на материале лексико-деривационного поля слова «перестройка») [Текст] / Н. Д. Голев // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 95 – 106.

9. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с.

10. Комиссаров, В. Н. Перевод как лингвистический источник [Текст] / В. Н. Комиссаров, Г. Я. Туровер // Тетради переводчика. Вып. XII. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 19 – 31.

11. Комиссаров, В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования (Вступительная статья) [Текст] / В. Н. Комиссаров // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 3 – 15.

12. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

13. Которова, Е. Г. Понятие межъязыковой эквивалентности в семантических теориях [Текст] / Е. Г. Которова. – Томск: Изд-во Томского гос. педуниверситета, 1997. – 93 с.

14. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство, СПб, 2000. – 704 с.

15. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1989. – 200 с.

16. Пинягин, Ю. Н. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики [Текст] / Ю. Н. Пинягин // Переводческие аспекты сопоставительных исследований. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – С. 4 – 12.

17. Хэллiday, Майкл А. К. Сопоставление языков [Текст] / А. К. Майкл Хэллiday // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 42 – 54.

18. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

19. Штернеманн, Р. Введение в контрастивную лингвистику [Текст] / Р. Штернеманн (рук.) и коллектив авторов // НЗЛ. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 144 – 178.

20. Щерба, Л. В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и о состоянии филологического образования [Текст] / Л. В. Щерба

// Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – С. 25 – 34.

21. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16 – 24.

22. Helbig, G. Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht. [Текст] / G. Helbig. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1981. – 159 S.

23. Jäger, G. Der sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer

wissenschaftlichen Beschreibung [Текст] / G. Jäger // Bedeutung und Translation. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1986. – S. 5 – 66.

24. Jäger, G. Theorie der sprachlichen Bedeutungen und Translation // Semantik und Übersetzungswissenschaft [Текст] / G. Jäger. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1983. – S. 53 – 61.

25. Jäger, G. Translation und Translationslinguistik [Текст] / G. Jäger. – VEB Max Verlag Halle (Saale), 1975. – 214 S.